

Воспоминания
вперемешку

Лина Черникова

12+

Лина Черникова

Воспоминания вперемешку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66551478

SelfPub; 2021

Аннотация

Посвящается друзьям – моей Сауле и Карубаю.

Я всю жизнь умела радоваться и очень многое мне нравится. Все из раннего детства помню. И как же не рассказать о чем-то, что видела, чем любовалась. Это и смех людей после бомбежки... Как же было не посмеяться после страха! Зажигали свечку и.. – Ты голову спрятал под стол, а остальное не было жалко? А этот, смотрите, голова торчит, а весь он еще под кроватью! Живы! Слава Богу! Соседи, собиравшиеся в одну комнату, чтоб не было так страшно, уходя просили мою сестру, чтобы опять перед обстрелами успевала обежать дом с молитвой. А немцы не задерживались, торопились к Сталинграду. И наши не давали отдохнуть непрощенной немчуре (слово из детства). А мама рассказывала: – Мои девчата только успели воды набрать, а тут взрывы, они бежать, вода – на них, а им смешно... Отогнали нечисть от нас, только так говорили – "нечисть," и нам включили радио. Никто не выключал эту черную тарелку хоть на минуту – жили последними известиями и радовались песням.

Содержание

Предисловие	4
Запахи	5
Молитва	23
Встречи	54

Лина Черникова

Воспоминания вперемешку

Предисловие

Почему вперемешку? До войны мне было 2,5 года и по воспоминаниям мамы я так хорошо говорила по-украински, что поправляла речь взрослых, но в 4года к ее удивлению я уже не знала ни слова из прежней речи. Одно слово «тато» я помню.

Но что-то рассказывая, тарыхтела так спешно, что сваливала все вместе, перескакивала с одного события на другое. Какая у человека речь, такая и жизнь. Получается, что и жила-то я неправильно. С детства хотела что-то писать, но начала только в 70 лет. Ну, не умею я писать все по порядку – это скучно! И вдруг придумала, как рассказать уже взрослым детям, то, что они не успели услышать в детстве: один заголовок, а под ним все, что относится к этой теме.

Запахи

Первый запомнившийся запах жил во мне 20 лет. Еще была война, значит, мне около 4-х лет. Мы жили тогда у Марии Васильевны, учительницы. Домик был настоящим, а не мазанкой, даже застекленная веранда была. И были настоящие деревянные полы, ни у кого больше я не видела такой роскоши. Тонкая и прямая ходила по этому полу Мария Васильевна и стучала каблучками. Я долго раздумывала, как можно ходить в туфлях, если между каблучком и главной туфлей пустое место.... И не падать.... Дождалась, когда учительница шла медленно, и мне удалось ползти за нею на четвереньках и просунуть палец в дырочку. И Мария Васильевна идет и не падает! А она усмехнулась, взглянув на непонятную девчонку, на полу, и пошла дальше, высоко держа красивую голову с толстой косой.

В очередной приход немцев в село, они облюбовали этот дом для штаба. В одной комнате жили мы. Все четверо детей спали поперек кровати и маленькая Галька с нами. А где спала мама, не знаю.

Утро. Тихо. Я сползаю ногами вперед и чуть не наступила на отца, он спал на полу. Я развернулась – ноги назад – и стала его разглядывать. Нагляделась и стала трогать руками его лоб, волосы. Он быстро проснулся и засмеялся. Позже я узнала из разговоров взрослых, что он не успел засвет-

ло дойти до дома из дальней степи и его привели в комендатуру. После расспросов его мирно отпустили. А однажды днем отец сидел за столиком на веранде с молодым красивым немцем. Разговаривали по-русски. Мама тихонько передала Миле и Люсе суть их разговора: не хотят воевать простые немцы.

За столом мне не было дела до разговора мужчин: заворожено смотрела на нарядную твердую коробочку. Но она лежала далековато от моих рук. Я любовалась невиданной красотой. То положу голову на одно ухо, то на другое, то стану отцу на колени и сверху смотрю на недоступное сокровище.

– Schokolade , – улыбнулся немец, протягивая мне кусочек толстого... чего-то.

Я быстренько спрятала это за щеку. Это... это он сказал «шоколаде». Как же я просмотрела, когда немец доставал шоколад из коробочки? А я бы и не узнала, что это за непривычное чудо тает у меня за щекой и пахнет, и растекается невозможной сладостью по всему рту. Уже невозможно удержать ее за щекой, придется глотать, а жалко.... Все, ничего не осталось и губы тщательно облизаны.

Теперь бы мне ту коробочку... Я тянула к ней руку, отвернувшись от нее, как будто мне она совсем не нужна... Но далеко. Легла животом на стол и вот рука уже на коробочке. Не смотрит немец, не видит, что игрушка совсем близко. И вот я уже поглаживаю ее, придвигаю, отодвигаю подальше. Если бы эта игрушечная коробочка стала моей! Такой кра-

соты нет ни у кого!

И вдруг! Немец понял меня и спокойно придвинул эту ценность прямо к моей руке. В моих глазах сиял несмелый вопрос:

– Это, правда... мне?

Он улыбнулся. Я мигом сползла с колен отца. А куда бежать? В огород! Там спряталась между чахлах степных растений и уткнулась всем лицом в приобретенное счастье. Ка-а-к пахнет, как вкусно пахнет. Долго не решаюсь открыть коробочку, может там еще остался, как его... шоколаде? Нет, внутри пусто... Я надышалась, налюбовалась своим приобретением и выползла из под кустиков, когда со двора уже перестали звать меня, и встревоженные голоса звучали на огороде. Хорошо, что это Миля и Люся, они не отберут мою игрушку.

– Ты чего молчишь!?

– Шо... шоколаде ела...

– Где? Под кустами? – смеются сестры.

– Правда, правда, немец тот давал, что с отцом сидит.

– Так что, у тебя еще есть? – смотрят они на мои руки.

– Нет. И коробочка была уже пустая, когда немец дал мне шо...

– Шиколад, – подсказывает Люся.

Но я помню, как кругло произносил это слово немец и поправляю ее: "шоколаде".

Разворачиваю подол платья и протягиваю на обозрение

свой подарок. Сестры ее разглядывают, нюхают, а я тороплю их, тяну вверх руки.

– "Шоколаде", – передразнивает меня Миля. Они с Люсей смеются и называют еще одно незнакомое слово. Несколько дней я дышала вкусным запахом, пока дети не утащили мою ценность.

Лет через 20 я закричала не своим голосом:

– Саша, чем это пахнет?

Воткнула нос в его пачку, каких-то иностранных папирос.

– Так эта коробочка всего лишь от этой гадости, от папирос?!

И я рассказала ему детскую историю с красивой коробочкой.

... Другой запах из моего уже подросткового детства длится до сих пор и не опознанным он был не так долго. В 5 классе немецкий язык вела у нас Софья Андреевна – жена начальника детской колонии. Люська, его дочка, бегала, в одеждах, похожих на наши. Значит, отец, суховатый и строгий человек не хотел выделять дочку из кучки ее подружек. Она рассказывала, что у отца на столе лежала книга Макаренко «Педагогическая поэма». Мальчишек отпускали свободно в село.

А Софья Андреевна приходила на урок с "лисой" на плечах и от нее тепло-восхитительно пахло. Я ждала ее прихода на урок, чтобы вдохнуть такой сладкий, манящий в счастливую жизнь запах.

Я долго не решалась, а потом осмелилась попросить учительницу дать мне почитать какую-нибудь книгу.

– Хорошо, приходи в воскресенье, – любезно согласилась она.

Хоть это и была Люськина мама, но она же – учительница, а Люськин отец вообще хмурый человек... И живут они недалеко от ворот колонии в обычном саманном доме, а идти туда страшновато.

– Ты куда собралась чуть свет? – остановила меня мама.

– Софья Андреевна обещала дать мне книжку почитать.

– Люди еще не проснулись!

Не снимая пальтишко, я просидела еще час перед часами, а потом удрала из дома. Чавкали мои башмаки по грязи не долго. Дом начальника колонии стоял одиноко за широкой канавой и за высокими тополями. Через канаву-арык проложен мостик из широких досок. Все перепрыгивали через такие канавы, но начальнику не положено так прыгать... Я помыла в этой канаве башмаки, вымыла руки, погрела их в карманах. Все, управилась. Может, уже проснулись? Подошла к двери и меня даже качнуло от нее, а потом я прислонилась к ней носом и всем лицом. Это же надо так обливаться духами, что даже от двери шел тот же сладкий знакомый запах. Это было так неправдоподобно! Что ли, они весь дом побрызгали духами?

Наконец, я решилась тихонько постучать. Софья Андреевна открыла довольно скоро и привела меня в комнату.

Еще одно потрясение! На меня недоуменно выглянула из-под одеяла сонная Люська. На Люську я едва ли смотрела. Но где она спала! Я вытаращила глаза на диван. Что это был за диван, как будто из кино, которое я видела или не видела, но в настоящей жизни такого не бывает... Ах, такие зеркальца по бокам, а вверху узоры, вырезанные по дереву. Уже Софья Андреевна дала мне в руки толстую желтую книгу, а я все дивилась "неправдашному" (детское наше слово) дивану и не могла тронуться с места.

... Часто дарит мне Саша духи «Красная Москва», такие же, как были у учительницы моего детства.

А запах топленого масла могу восстановить и теперь. Но не теперешнего топленого масла. А того комочка яркого, рассыпанного большими крупинками, которое покупала один раз в месяц со своей стипендии Эмма. Отец был на предварительном следствии, которое длилось много месяцев и никак не могло закончиться, потому что он был невиновен, но все равно это называлось "сидел в тюрьме". Тогда говорили "засудили". Не осудили, а именно так: захотел кто-то и засудили.

Люда забрала на зиму Гальку и маму к себе в Карлан – Юрт. А мы с Эммой жили дома. И то маслице возвышалось горкой в маленькой стеклянной вазочке, ставшей позже солонкой. К этому маслу Эмма покупала булочку сайку. Мы с Эммой ели ту булочку с маслом после какого-нибудь жидкого супчика. И ели это масло, казалось, так долго, а через ме-

сяц оно, ожидаемое, появлялось опять и, конечно, поэтому я помню этот запах до сих пор. Сейчас-то все уже наелись всего вдоволь... А тогда я чувствовала Эммину радость от того, что она может покормить меня такими недоступными продуктами, а я за нее радовалась.

Те, кто имеет от рождения все сразу, считают, что знают такие понятия, как вкус, запах, красота, но они очень и очень ошибаются. Знать и понимать – это совсем не то, что чувствовать.

А еще помню потрясающий запах картошки. Я уже была студенткой, и нас направили на полгода на практику в горные школы. Нонка принесла справку, что ей нужно остаться с дочкой и осталась дома. С тех пор и до самой пенсии работала она в городе, в интернате для чеченских детей из горных сел. Дети любили Нонну. Еще бы! Она придумывала им частые праздники: шила костюмы, пекла пироги, торты, пела и танцевала с ребятней, чтобы они меньше скучали по дому.

Я уже вымаливала Вову из Афганистана, когда она рассказала один из случаев из военной жизни ее уже взрослых учеников. У них во взводе был студент мединститута. А в соседнем кишлаке деду-афганцу стало так плохо, что ему пришлось обратиться за помощью к шурави-россиянам. Солдат-медик определил у деда заворот кишок. Без операции не обойтись, но дед ушел. А через некоторое время приполз, согласный на все. Отвезли старика в госпиталь, успели сделать сложную операцию. Слава Богу, вернули человека с то-

го света. Но его радость омрачил дома сын, ярый моджахед. Он прослышал в горах о том, что отца осквернили "неверные" и теперь ругал его, на чем свет стоит. Уходя из дома, сын злорадно пригрозил:

– Ну, ничего, скоро мы отомстим за тебя! Клянусь Аллахом, никто не уйдет живым от Саланга!

Бедный старый афганец, придерживая руками живот, приплелся в военную часть и предупредил об опасности. Так как нападения ждали и успели укрепить подступы к тоннелю, то атака моджахедов была отбита с минимальными потерями для наших солдат. Наградили многих солдатиков, Нонниных бывших учеников в том числе.

Возвращаюсь к картошке. Мы с Зиной сразу же, к радости товарищей из институтского комитета комсомола согласились на район, который нам предложили. И тут к институту подъехал грузовик. Товарищ из комитета поговорил с шофером и, вроде бы, смутился. Но потом, дружески подталкивая нас, подвел к этому грузовику. Короче, нас заманили в эту машину, осторожно описывая красоты места, куда мы поедем. Ясно, что это не ожидаемый район. Где это Итум-Кале мы не знали, и хотя комсомольский вожак прямо на наших глазах чуть ли не руки потирал от удовольствия, мы все равно не отступили. Переглянулись мы с Зинкой, поняли друг друга и усмехнулись: смотри, друг бумажный, мы ничего не боимся.

Свободное место в грузовичке только одно и мы обе по-

лезли в кузов. Уселись на прикрепленную к его бортам скамейку. Ехали мы, ехали, приехали уже в райцентр Шатой, бывшее название его Советский. Шофер на минутку остановился и прокричал нам: – Еще 25 км. А проехали 55. Ну, держитесь крепче!

Понятно, едем, же в горы... А Шатой – у подножия гор. Почти сразу же начались такие... красоты...

– Зинка, представляешь... радость того... парня-комитетчика... поставил... галочку в отчете... – отправил сюда двух... патриотов...

Эта фраза растянулась у меня на целую речь, а Зинка смеялась с такими же паузами: мы подпрыгивали на лавке, клацали зубами, заикались. А лучше всего молча ахать и крепко держаться одной рукой за борт, другой – уцепиться за лавку. Не так-то долго нас трясло, камни стали мельче, а мы взбирались все выше и выше.

Я бывала на Военно-Грузинской дороге с экскурсией в г. Казбеги. Одну из скал, нависшей над дорогой, называли "Пронеси, Господи". Чудаки! А как бы они назвали эту дорогу над пропастью от Шатоя до Итум-Кале? Каждый метр ее – Господи, помилуй и спаси!

Правда, правда, ах какая красота вокруг! Справа до самого неба горы. Узкая дорога прорезана в скале на такой высоте, что речка Аргун казалась сверху тонкой подпрыгивающей лентой. А древние чеченские высоченные башни виделись всего лишь небольшими узкими коробочками. Свет-

ть, свет-ть... Светлые скалы со светлой зеленью – это выступы гор, а ущелья выдавали темный цвет. Не описать эту неопишемую красоту! Только гениальный Лермонтов сумел передать "это" в двух фразах:

– Я видел горные хребты

Причудливые, как мечты.

(Эти строчки из "синей книжки" М. Ю. Лермонтова знал весь наш 3, а потом и 4 класс, потому что Аркадий Яковлевич много раз читал нам «Мцыри». Да какие там строчки, мы незаметно выучили наизусть всю поэму.)

А-а-а-а... Мы с Зинкой заорали и обхватили друг друга руками – это в очередной раз левые колеса нашей машины лихо проехали по самому краю дороги и камешки гулко запрыгали вниз. Страшно сказать, куда... Еще не раз мы невольно вскрикивали и крепко зажмуривались.

А как разминуться на нашей дороге двум машинам? Случались на ней более широкие места. Наш шофер останавливался и прислушивался, не идет ли навстречу машина. А иногда мы слышали гудок за поворотом, тогда наш водитель тоже сигналил, оба парня выходили из машин и договаривались, кто из них проедет первым. Было и так: мы долгонько переждали, когда пройдет неспешная отара овец.

Во время таких передышек от напряженной езды мы с Зиной готовы были петь от радости, что увидели такую неприступную красоту. А еще удивлялись, как люди смогли укрепить на скалах столбы, протянуть провода, значит, в редких

аулах над нашими головами есть свет.

Наконец, речка слева в пропасти стала приближаться, ущелье уже не такое глубокое, дорога шире и вот мы уже катим по берегу Аргуна. Вода все равно "громкая", быстро перескакивает через валуны, но это уже наша привычная горная река и мы спокойно отдыхаем. Какое блаженство – дышать и речкой, и горами, и ничего не бояться. И вскоре показалось довольно большое село в широком ущелье. Сверху небо, а вокруг высоченные горы.

– Вот и приехали, – весело прокричал шофер. Итум-Кале. А здесь по воскресеньям собирается базар.

В школе нас неожиданно огорошили: нужен только один учитель. Кому-то оставаться здесь в относительной низине, а кому-то работать в одной из верхних школ, в Тазбичи. С Зиной заговорила симпатичная женщина, то ли дальняя-предальная родственница, то ли знакомая ее родителей, и я тут же уступила своей подруге школу в Итум-Кале. Зина хоть и ингушка, но все равно своя в этом чеченском селе.

– А где же Казбичи? Как пройти туда?

Нет, долгожданной учительнице не позволили идти пешком. Меня любезно усадили в кабину того же грузовичка. А Зину повела улыбающаяся женщина к высокому дому с широкой открытой верандой. По дороге парень рассказал, почему уехала девушка из тазбичинской школы. Знакомая история: девчонка из центральных областей России знать не знала, до чего же она привлекательная, а тут парни умеют го-

ворить красивые слова. Недаром их иногда называли французами. А парню жениться пора, уже и калым готов, ну, и так далее. Словоохотливый попутчик продолжал:

– А эта новая асфальтированная дорога построена недавно и ведет она на Альпийские луга в сторону Грузии.

Но по этой ровной дороге мы ехали недолго, а свернули налево вниз, потом поднялись наверх, долго колесили по серпантину и, наконец, остановились на площадке перед небольшим домом, школой. Перед школой – мазанка, за школой еще мазанка и около нее фундамент строящегося дома.

– А где живут ученики?

– Там, – показал шофер наверх, – и там, и там.

Очень высоко наверху красовались два новых дома, а где-то "там", в ущелье, виднелась только крыша, а то и совсем домов не видно. Это был 1964 год, чеченцев вернули из ссылки из Казахстана несколько лет назад. И кто успел, построился в родных местах. Шофер добавил:

– А на той стороне этой горы Итум – Кале, его видно с того дома наверху.

– А где же живут учителя?

Парень охотно показал вниз:

– На повороте альпийской дороги есть магазинчик и у хозяина на квартире живут две учительницы.

Я не стала спрашивать, зачем же мы ехали так долго, если можно подняться от дороги по той тропинке. Понятно,

что надо было оказать учительнице почесть, доставить ее на транспорте, короче, оказать гостеприимство насколько это возможно.

Появился директор школы, и мы прошли в маленькую учительскую. Поговорили. Оказалось, что здесь нужен историк.

– А у меня русский, литература и немецкий...

Директор мягко повторил условия:

– И классное руководство в 6 классе, это самый старший в нашей школе. Пойдемте, ваш класс внизу.

Оказывается, кроме 2–3 классных комнат наверху были еще два класса в полуподвальном помещении.

– Строимся, строимся, – бодро ответил директор, проследив мой взгляд на неотштукатуренный потолок.

– Говорят, что учителя живут там внизу... Как я буду ходить вверх-вниз?

– Что-нибудь придумаем, – задумался директор. Он видел, как я расстроена.

Отошла немного от школы и сразу затерялась в кустах. Тут журчал, подпрыгивал ручеек. Неизвестно почему обильно полились слезы. А тут, очень некстати пробежал мужчина, гнал тельца. Он появился так неожиданно, что я не только не вытерла лицо, но даже не успела отвернуться. Зато слез, как не бывало, и стало стыдно. Нет, все прекрасно, только бы жить поближе, оправдывала я свои позорные слезы.

Как я теперь выйду к людям, ведь тот человек видел мое зареванное лицо, рассказал другим, а те могут обидеться, подумают, что мне не понравилось в их родном краю. Наконец, решила выйти. Возле костра у мазанки, что перед школой сидели люди. Я поздоровалась, мне ответили, кто-то подвинулся на бревне, и я уже сидела и держала в руках на каком-то большом листе картофелину из котелка. Придвинули мне соль, я дула на картошку и удивлялась, как я могла расстроиться недавно неизвестно почему. Не успела немного остыть моя картофелина, как мне сказали, что директор договорился вот с этой женщиной, что я буду жить у нее.

– Это же рядом со школой, – вслух поразовалась я.

Мне ответили тоже улыбками. Оказывается, школа будет платить хозяйке так: мне полагалась мука и керосин из магазинчика. И хозяйке обещали то же самое. Бесплатно нам обеим.

Не намекая, что знают о моем недавнем настроении, все дружно и... как бы сказать, бережно, стали утешать меня.

– Чем мы тут дышим, ты почувствовала? Ты тоже будешь пить этот чистый воздух! Когда мы подъезжаем к Грозному, сразу видна над городом...серость, он же лежит в яме, слушай, как там люди могут жить? И зачем... А ты еще не видела, как прямо вот тут будут плавать белые тучи..

И еще много чего хорошего наговорили мне чеченцы.

– Ешь, уже картошка немного остыла...

И вот он, этот запах и вкус здешней картошки! Словами

его не опишешь. И не буду. Никто не поймет.

Можно только предположить, как это рассыпчатое душистое чудо увлажняли и тяжелые темные тучи, и легкие светло-прозрачные облака, подпрыгивая, оставляли на каменистой почве принесенные с собой запахи всех горных трав. А вся эта чистая простая еда принимает окружающую красоту, не как подарок, а как обыденную дань. Люди привыкли к потрясающему запаху, а меня тогда впервые поразила и картофелина из котелка, и чай из неизвестной мне пахучей травки.

– Продадим картошку, кукурузу – купим сахарку, а пока....

А мне и так хорошо и вкусно, и радостно, лучше не бывает.

... 14 лет мы прожили в пустыне на Мангышлаке. С уважением рассказывали о немолодом человеке, который первые саженцы посадил здесь давным-давно. И с тех пор в центре Ералиево существует этот сквер. Как и когда появился тот мечтатель и трудяга в этих местах? Почему я не захотела узнать о нем, живя 14 лет в этом поселке? Хотя радовали эти пахучие кустики. Человек поставил себе памятник при жизни. Такое случается.

То ли этот садовод место такое нужное нашел, то ли очень глубоко долбил песчаник, бывший когда-то дном Каспия, но корни его саженцев не упирались в непробиваемое дно. Человек исчез, а деревца растут. Вечная ему память!

Еще одно "простите". Сейчас я бы с учениками приносила по полведра воду для тех стойких растений. Хоть изредка. А ведь корни их так ждали такого подарка...

К запаху жидкой полыни мы привыкли, но она росла тоже не всюду, а только около чуточку влажных тропинок к морю, к "Ближайке". На ближнее к посёлку побережье ходили купаться дети. А рыбаки могли там набрать кучу раков под скользкими мшистыми плитами или ночью с факелами наколоть бычков и даже кефаль. А если идти полчаса до пирса, то по обе стороны дороги – глубокий и ярко слепящий, как само жгучее солнце песок, и там уже ничего не могло расти. Может быть, подальше, справа от моря, невидимая с дороги росла верблюжья колючка.

Море тоже пахнет горьковатой прекрасной свежестью. Так вот, наше на долгие годы Ералиево – это запах морской полынной свежести. Особенно, если ветер с моря. Но вот запах настоящей российской зелени можно было вдохнуть, только проходя мимо сквера. Идешь со стороны 36-го дома и бараков, где расселились различные конторы, а справа довольно длинная полоска низких кустиков. О, чудо! От них поднимался запах! Тот самый...

Кто не видел, как эти кусты много лет пригибал ветер во время пыльных бурь, раскаленный летом и леденящий зимой, тот не поверит, что эти листочки, даже покрытые вечной пылью, могут так восхитительно пахнуть.

Я не могу забыть недоверчивое удивление мальчика-каза-

ха в нашей русской школе, когда он сказал:

– Как будто и правда такое бывает...

А на картинке был голубой ручей, на берегу его зеленая трава и два-три зеленых куста. Пораженная, я не сразу ему ответила. Я выходила из этого класса и вспомнила свое удивление, когда недавно приехала на Мангышлак: неужели на свете не больше всего зелени, как я думала, живя на Кавказе, а больше всего этой желтизны – солнце, небо и песок одинакового цвета.

Запах слив, огромных абрикос, которые падали с дерева в саду, запах лесных мелких груш, каждую осень приносимые из леса и насыпанные горкой в углу комнаты, всеми этими запахами не удивить. Они росли в их родном краю, на их родной земле.

А вот как могли сохранить свой вековой зеленый аромат те листья в пустыне! Им дан был от рождения такой удел, и они выполняли его. Не смотря ни на какие трудности. Оправдываться, что им трудно, что им невозможно сохранить свой дар, не перед кем. И они держались.

* * *

Запах слив, огромных абрикос, которые падали с дерева в саду, запах лесных мелких груш, каждую осень приносимые из леса и насыпанные горкой в углу комнаты, всеми этими запахами не удивить. Они росли в их родном краю, на их родной земле.

А вот как могли сохранить свой вековой зеленый аро-

мат те листья в пустыне! Им дан был от рождения такой удел, и они выполняли его. Не смотря ни на какие трудности. Оправдываться, что им трудно, что им невозможно сохранить свой дар, не перед кем. И они держались.

Молитва

Ачикулак – это ставропольский край. Но в 45 году немцев там, конечно, уже не было. Их давно уже прогнали от Сталинграда, значит, и от нас.

Лето. Праздник у нас, приходят и приходят дети. Значит, это был Галькин день рождения. Приносили какие-то немислимые подарочки. Все дети уже за столом, а меня посылают открывать двери опоздавшим. Два подарка помню: мякиш хлеба к детской руке и пообещанный игрушечный чайничек. Райка пообещала его принести «для красоты», а потом забрать.

Я оглядываюсь назад:

– Можно чайничек для красоты?

Взрослые заулыбались, и Райка побежала за своим сокровищем. Она жила рядом, напротив, в такой же мазанке с глиняными полами.

Все готово, а Райки нет. Эмма окинула взглядом стол и подсказала кому-то:

– Убери вилку с мокрого места, а то поржавеет.

Ее успокоили: – Вилка на сухом лежит.

А тут кто-то крикнул:

– Райка Жабина бежит!

Дети засмеялись неожиданной рифмовке и стали хором повторять сочиненный стишок:

– Вилка на сухом лежит,

Райка Жабина бежит!

А Райка стояла у двери столбом и только моргала растерянно. Без чайничка.

Кто-то ахнул: – Разбила!?

Она что-то шептала беззвучно, потом выговорила погромче:

– Отец с войны пришел...

И всех нас как ветром сдуло со стола.

Райкин отец, да все поначалу не знали слова «папа», он был неправдашним отцом. Конечно, если нашему отцу было в то время больше 50 лет, то это да, отец. А этот даже по детским меркам был слишком молодой. Он сидел на самодельной кровати из досок, босоногий, светлый, с тонкой шеей и, молча, смотрел на группу детей. Может быть, выискивал среди нас свою шестилетнюю дочку. Привыкал к ней.

Много раз повторяла моя мама:

– Слава Богу! Вымолила Жабина с войны своего мужа!

А на другой день мы увидели у Райки чудо. Оно появилось на стене – длинная, толстая, очень праздничная книжка, складная, вытянутая во всю длину. Дня два дети прибежали ею полюбоваться, а я осталась около нее почти на все лето. На меня перестали обращать внимание, и я никого не видела, а только бесконечно перечитывала до самого этого конца: – « С этим братцем песни пел»

* * *

...Я была такая дохлая к концу 2 класса и мне теперь кажется, что мама больше всех обо мне молилась. Кашляла и кашляла, но все равно просилась у мамы в школу. Она ругается, а я сделаю паузу, а если кашель начинает раздражать все внутренности, то затыкаю рот углом подушечки и отбегаю подальше. Вытру насухо глаза, красные от борьбы с недугом, и опять начинаю привычное нытье:

– Мама, можно я пойду в школу-у-у? Мо-о-жно?

– Иди, – сердито крикнет мама.

А иногда проверит температуру – прикоснется губами ко лбу и пригрозит:

– Вот я тебе сейчас пойду! – и потрясет приготовленной ладонью.

– Учи дома!

Неделями сотрясает меня вредный мой враг, а потом я вырываюсь на волю. Из холодного дома – в холодную школу. Свободы хватало на недельку...

Интересно: многое помню еще с Ачикулака задолго до школьного возраста, весь 1–2 классы помню, а потом провал до конца 4 класса. Меня приводили дети из школы, буквально тащили, так болела голова. Они уже выдохлись и закричали Шуре в огород:

– Возьмите вашу Линку!

Шура увидела мою повисшую голову, закричала и подхватила любительницу школы.

Рентген не помню и как до города добирались не знаю.

Оказалось – затемнение легких.

Каким-то образом находили для меня большую кружку молока со смальцем и, чтобы бы я не вырвала, мама давала мне конфету «Барбарис» из настоящей белой бумаги с яркими красными ягодами. Оказывается, ничего не бывает случайным. Эта кружка молока, чудесным образом, оказавшаяся в нашем доме. Летом Аркадий Яковлевич стал приглашать меня к себе домой, как бы помогать по хозяйству. Мамины молитвы к Богу за меня. И прекратилось распутывание каких-то ниток с проводами по ночам, носившихся надо мною с огромной скоростью. Куда-то ушла болезнь, слава Богу! Мама не раз повторяла:

– Эта учительская семья спасла Линку. Слава Богу! Дай, Господи, здоровья всем таким людям!

Да уж, появились бы со своим предложением на два лета мои любимые учителя, если бы по маминым молитвам их Бог не послал...

... Это очень невыносимое понятие – «враг народа». Я знаю. Тата арестовали, как будто за растрату, и то это было так ужасно страшно и стыдно – глаз не поднять. Даже Витька буркнул разок что-то ехидное и потом притих. Тогда посадить могли кого угодно ни за что, ни про что и делали это все друг другу, кому не лень. А боялись-то как! Мама шепотом предупреждала меня не раз:

– Не говори, дочечка, никому, что мы жили в Ачикулаке при немцах...

Хорошо, что никто меня об этом не спросил... Здесь в Грозненской области в нашем селе поселились все семьи бежавшие от войны. Мы с Украины. Одна мама разговаривала, вставляя украинские слова, а дети только одно слово из раннего детства применяли при обращении к отцу: «тато».

А иногда я раздумывала, неужели мы виноваты, что немцы догнали нас, но не перечила маме.

... Колоски на поле собрать после уборки урожая – воровство. Тюрьма.

Но в один прекрасный день народ высыпал на поле собирать обгоревшие колоски. Случайно получилось или кто постарался поджечь стерню после уборки урожая. Мама, Эмма, Люда, я и, наверное, Галька, а то с кем же ее оставлять дома, решили пойти на сгоревший участок поля и ходили, низко наклонившись, и изредка находили горелые колоски.

Вдруг мама ахнула: – Ходит уже! А чтоб тебе!

Да, какой-то мужичок, помощничек «органов» сновал от семьи до семьи.

– Может не подойдет к нам, – надеются старшие.

Мама решает: – Свою фамилию нэ кажить.

Все уставились на меня честную недотепу.

– Нет, нет, – трясу я головой.

И вот, увлекшись работой, я незаметно удалилась от всех. Придумываю себе фамилию. Наконец одна понравилась – Цветкова. Скажу дядьке «Цветкова», – ликую я про себя. Размечталась: была бы правда такая моя фамилия... И Вить-

ка не дразнил бы меня: – Расторгуева, что расторговала? А наоборот, завидывал бы... Ой, наступила на огромную колючку! А-а, это «арбузик» – во все стороны толстые шипы. Такие колючки водятся на поле. От них ранка большая, но зато можно вытащить самой. Удалось подцепить верхушку «арбузика» подранными ногтями и вытащить ее. Ура! Еще не перестала дергать ранка, как я заметила почти не обгоревший колосок, а чуточку дальше и другой светленький. Радостно поковыляла за ним. Вот из моих колосочков точно сварим кашу! При мысли о каше противно заныло в животе.

– Нечего думать о глупостях, рано еще, – поругала я себя.

И вдруг над моей головой ласковый такой, слишком ласковый голос:

– Как твоя фамилия, девочка?

Я вытаращила на дядьку глаза. Откуда он взялся? Оглядываюсь на взрослых и прямо чувствую, как там все замерли.

– Расторгуева, – вырвалось у меня после повторного вопроса. Дядька еще более ласково заулыбался:

– А, знаю, знаю... И засеменял дальше.

Мне даже расхотелось каши от этой пшеницы и я, прихрамывая, пошла признаваться. Мама только вздохнула...

На всякий случай я, оправдываясь, успокаивала старших:

– А дядька совсем не страшный, даже добрый.

Так вот, в этот раз обошлось. А может быть, и нет.

Вскоре отец не угодил чем-то оперу, наверное, что-то не дал ему из склада при колонии, где он работал. Мама со-

крушалась:

– Пришли, заломили батьке руки... Забрали мучку.

Правда, что не муку, а мучку, маленькая сумочка стояла на припечке. Мама не успела добавить в тесто муки и испекла жидкие оладки.

– Все лето майору корову пасли... и вот тебе, посадил...

Пришли еще раз и переписали наше имущество для конфискации: железную кровать и два низеньких шкафчика. Но соседи Левцовы успели спасти, спрятали у себя единственную ценную вещь, швейную машинку Singer.

Мама настояла, чтобы ее любимой машинке нашли место на телеге среди детей, и она прогромыхла пол страны до Ачикулака, а после войны и до грозненской области.

Забирать наше имущество пришли бы, если бы бедного моего тата посадили в тюрьму. Недавно появилась у нас эта кровать. Ну, что же, будем спать опять на полу. А я спала на лежанке за трубой. Чтобы мне было теплее всех. Но эта с вечера чуть теплая лежанка к утру холодила меня остывшими кирпичами. Но мама думала, что мне тепло и я, конечно, помалкивала.

Да-а, а матрацы? Возьмут вместе с соломой или вытряхнут? Пусть лучше вытряхнут, а то солому попробуй тогда найти... Ну и пусть, на полу спать даже лучше, хоть и холоднее, зато никто не будет скатываться с кровати. Вся семья помещалась на ней.

Я вспоминала, какие мы, оказывается, были богатыми! Я

тайком взяла из столика три рубля, большие такие бумажки зеленоватого цвета. Украла или взяла? Некоторое время меня помучил этот вопрос... Но мне казалось, у нас лежит так много денег, а у Таньки пропали в школе 3 рубля. Как она пищала тоненьким голоском: как она скажет об этом маме, как та будет ее ругать...

– Не реви, сбегает на перемене и я дам тебе денег!

Надо бы сказать кому-то, что я беру для Таньки так много, но мама была где-то далеко, а скорее всего я побоялась, что мама откажет, Танька у нас новенькая, а я ей уже все равно пообещала... На всякий случай оглянулась по сторонам и с мыслью, что я ворую, выхватила из вороха бумажек 3 рубля. Вот именно, из вороха, деньги лежали в беспорядке, поэтому как выяснила позже Эмма, мы и не могли разбогатеть...

Танька ждала меня у акации, на углу дворика. Она заморгал глазами...

– Бежим, а то опоздаем на урок! Да вот они, бери, бери!

Сунула ей в кармашек скомканный трояк, а в руку щепотку жареной кукурузы, которую схватила со сковородки на ходу. Я чуточку побаивалась несколько дней, но никто ничего не заметил, все доверяли друг другу.

Я даже не ожидала, что история неожиданно продолжится. Странно: Танька призналась своей маме о пропаже денег и как я ее спасла. Вдруг Танька протянула мне ровную денежку, такую красивую, дорогую, аж 3 рубля. Это было так много теперь! Так мне показалось. Маме я не стала разгла-

шать секрет, а дождалась, когда Эмма была в комнате одна, и небрежно так сказала:

– Вот Танька принесла 3 рубля, я ей занимала.

И чтобы быть естественной – ничего необычного – грохнула, как всегда, ящичком стола, сунула туда деньги и с шумом толкнула ящик обратно. Эмма ничего не сказала...

Так вот, тата отпустили месяцев через восемь. Еще при Сталине имелись честные и храбрые следователи. Отец доказал, что пропавшее зерно даже не поступало на его склад. Однажды из города отца приводил милиционер, чтобы взять на чердаке, какие-то документы. Мы смотрели в окно, как они шли. Тато твердо, как всегда. Шагал в знакомой светлой рубашке, вышитой по вороту. Тот же поясок. Это был его праздничный наряд, в этой рубашке он выходил на свидание и на суд. Мама с Эммой в полуобмороке. Тато бодро, как обычно, поздоровался, поцеловал маму, повернулся к нам, но мы с Эммой отступили в углы комнаты и приросли к полу. Он полез на чердак, взял нужные бумаги, и они зашагала с милиционером обратно. Угостить тата было нечем да он и не взял бы. Те жидкие оладьи были съедены несколько месяцев назад.

Мама долго внушала Эмме сразу после беды в нашем доме, что нельзя бросать институт. А то когда потом еще раз поступишь. Одна она, такая безрассудная, ходила пешком по пять километров до института и обратно. Все мы осуществляли мамину мечту – выучиться. Потому и не вернулись в

родной новый дом. Мама объясняла: там школа была далеко. Позже я поняла: еще и потому, что в колхозах не давали всем паспорта... А здесь колхозов не было. Учиться, чтобы «стать богатыми»! Какими были учителя и врачи во время ее детства и юности. Высшее образование не принесло никому богатства... И мама сказала:

– Ничего путного из вас не получилось...

А ничего, выжили... К удивлению всем. Эммина стипендия, Люда после 11 педагогического класса уже работала в Дагестане, в Карлан-Юрте, а мама стала шить соседкам платья. Изредка получала заказы и очень дешево брала, все время боялась, что платья не понравятся. Правда, шить мама стала не сразу. Но суды все повторялись, а отца не могли засудить. Тогда мама расхрабрилась и взяла от Левцовых свою любимую машинку.

Бедная, всегда голодная Эмма, получила один раз на экзамене тройку и стипендии не стало. В этот день, в 20 лет Эмма поседела. Вот так, коротко. Больше об этом – нельзя.

Но я была при деле. Каждый день гостила в доме у директорской семьи. Святые люди. Или мы, наверное, прости Господи, тоже, когда подкармливали Аркадия Яковлевича. Он жил сначала без семьи. А у нас как раз зарезали поросеночка да кукурузную муку имели, в одно лето нам дали участок под огород на месте, где впоследствии выросли микрорайоны. Люда с Эммой брали и меня полоть кукурузу.

И вот, наконец, продолжаю тему «Молитва». Это не пра-

вильно так скакать при пересказе, в разговоре, но я иначе так и не научилась говорить. Тем более, что по-другому и не нужно. Харчевников – преподаватель, советской литературы, любил слушать мою болтовню на семинарах и экзаменах.

Итак, дальше. Арестовывали многих и по рукам ходили целые сборники молитв от «тюрьмы». Кто-то бывалый дал и нам такую тетрадь. Я должна была ее читать, когда мама с Эммой уходили на суд. На ходьбу до Грозненской тюрьмы, на время суда, на обратный путь уходил целый день. Значит, я оставалась для помощи тату одна. Садилась на чуть теплую лежанку и начинала помогать. Прочитаю всю тетрадь один раз и думаю:

– Мало, еще мама с Эммой до города не дошли. А если суд уже начался, как же мне оставить тата без помощи? А сколько этот суд будет длиться? Надо читать...

Уже лежанка давно остыла... Читаю уже машинально и в это же время вспоминаю, как мама рассказывала про прошлый суд:

– Майор принес батьке хлеб и котлеты, ишь який жук... «Добрый»...

Я представляю, как он приветливо, как всегда, благодарит, и говорит:

– Сделайте милость, возьмите назад!

Жду продолжения. И точно предположила, тато не решил съездать опера, взять такую драгоценность.

Я знала, что такое котлеты. Не просто читала про них или видела у кого-то. Нет уж, у нас тоже их один раз жарили! Когда зарезали маленького поросенка. Кормить его уже было нечем.

Вспоминала давнее, а сама все читаю и читаю молитвы от суда, потом возвращаюсь к маминому рассказу о подарке опера, да, я угадала: тато взял «подарок», но только один хлеб. Так сказала мама.

Читаю дальше, но уже темнеет, а я боюсь встать и перестать читать. Я уже знаю наизусть, мне не нужен свет, но надо бы встать и поискать чего-нибудь из еды. Но нельзя оставить самое нужное сейчас дело. Читаю все громче и громче.

Вот и взрослые приходят, смотрят на меня с тетрадью.

– Отправили на пересуд. Слава Богу!

И так было несколько раз. Спасла отца с Божьей помощью его аккуратность в бухгалтерских делах. Но в паспорте появился штамп, что он был под следствием. Не смотря на то, что его выпустили месяцев через восемь и даже выплатили компенсацию за это время, он не мог уже работать по специальности. Все. Вот уж непонятный закон.

Да, наш тато сильно изменился. Чувствовал свою вину, хотя и был невиновен? Потому что невольно оставил семью без хлаба-соли? Раньше он так заразительно смеялся, никто из детей почему-то не унаследовал эту прекрасную манеру, У нас, несмотря на нищету, любили посмеяться, но не умели по-отцовски. От него мы слышали постоянно: главное в

жизни – не унывать. Уныние – тяжкий грех. Нельзя никого осуждать. Недаром, тато часто вспоминал, что по Закону Божьему у него в реальном училище были всегда пятерки. Вот и все сведения об его учебе. И не открыл тайну, почему его выучил помещик вместе со своими детьми...

Мои дети не унывают, хотя бы, не показывают свое уныние. А уж никого не осуждают, это точно. А я нытик. И за детей боюсь и сама паникую при новых, не обжитых еще, болезнях. А поболтать... Сколько каюсь, но повторяю этот грех. А тато ни разу не нарушил эти заповеди. Потому и прожил 100 лет.

Мама покачивала головой:

– Научился в тюрьме, вот беда... И чего ты на кур матюкаешься, чем они тебе не угодили?

Теперь он опасался сделать детям замечания. Нет, он и раньше этого не делал, не помню такого, а теперь вообще уходил от разговоров, боялся повзрослевших детей? Даже когда еды стало вдоволь, он по привычке стеснялся есть. На пол-литровую кружку чая одна чайная ложечка сахара! Время от времени кто-нибудь недоумевал: этого же мало! Люда с Эммой спокойно, а мы с Галькой кричали, но ничего не помогало. Вот еще одно правило в действии: мало ешь – больше проживешь.

...Ждешь, целую неделю кино в колонии, а неделя так долго тянется! А потом кто-то скажет ликующе:

– Привезли кино!

«Сказание о земле сибирской» мы уже видели семь раз, сегодня будет восьмой, если пустят... Но это такое чудо! Как я их всех люблю, таких прекрасных артистов! И тот концертный зал, где пела Ладынина и волновалась, потому что пришел с войны Кадочников. Какой волшебной красоты зал! А столовая где-то в Сибири, где запевали Кадочников и Васильева, а им так здорово подпевали все за столами. И все умели хорошо петь... Всё мы там любили. И зимовку, где сочинял свою музыку Кадочников. А вышка, на которой стояли счастливые артисты и несколько раз кричали друг другу: – Андрей! – Наташа! Вот, они любили друг друга, но не обнимались, значит, так надо...

Летом было проще попасть в кино. Около колонского клуба рядком стояли скамейки для мальчишек, перед ними натягивали экран, а чуть дальше скамеек стоял киноаппарат. Внизу стопкой лежали «части», в плоских круглых железных коробках – киноленты, чем больше, тем лучше. Мы, сельские, ждали за забором, когда все успокоится и вахтеры потеряют бдительность при первых звуках бодрой музыки киножурнала. Тогда мы лезли в дыру в саманном заборе, зачем-то пригибались, а как же, чтоб нас не было видно, бежали через футбольное поле и плюхались в пыльную траву прямо около киноаппарата. И не мешал нам близкий его стрекот, и не мешала пухлая пыль, которую мы усаживались. Все это мелочи покрывались радостью от прекрасной жизни на экране. Мы смотрели кино!

Но зимой посмотреть кино в колонии было намного сложнее, но возможно. Перебравшись через размокшую от зимней слякоти дыру в том же заборе, подходили к заветному входу в клуб, тихонько постукивали, царапали дверь, пока какой-нибудь добросердечный вахтер не приоткрывал дверь и шипел:

– Быстро, быстро, шантрапа!

Проскакивали гуськом в темноту, пока меняли части, вжимались в стены, вроде, как теперь нас не видно и успевали перевести дух, пока снова мирно не застрекочет аппарат. Из отверстия в стене высветится луч, и глаза впивались в экран.

... Вот в такие мрачные зимние вечера надо было сначала выклянчить у мамы разрешение пойти в кино.

– В такую грязюку! Сиди дома!

Ноешь, ноешь, пока мама не рассердится:

– Иди куда хочешь, тебе же хуже...

– Да обуь батькови сапоги, а то из грязи не вытащишь свои ботинки!

Да что мне об этом говорить, я и сама уже предусмотрительно залезла в резиновые отцовские сапожища. Чтобы лишний раз не сердить маму.

Выпросилась, надо бы радоваться... А пустят ли меня в кино? И тогда прибегаешь к верному средству, которое не подводило. Шлепаешь по лужам, еле-еле вытаскиваешь ноги из липкой глинистой грязи и громко шепчешь:

– Господи, помоги, пусть меня пустят в кино!

Шепчешь, шепчешь, а страшно, вдруг напрасно рассердила маму, измазалась в грязи, замерзла и промокла. А кашель начнется, надо будет выбегать во двор кашлять, но мама все равно услышит... Тогда начинаешь приговаривать:

– Господи, если Ты есть, дай мне посмотреть сейчас кино!

Чувствуешь, что поступаешь как-то неправильно, почему я говорю «если Ты есть». А если надо будет просить о чем-то важном, а я прошу о такой чепухе...

Слава Богу! Попадала в клуб. Если дверь не желали открывать, я не настаивала, а начинала бродить под окнами. Но сначала находила большую лужу, срывала пучки засохшей мокрой травы и смывала ледяной водой грязь с сапог. Потом готовилась к последнему этапу, смотреть, где сейчас откроется окно... Меня кто-то увидел! Тогда надо стать на выступ фундамента, подпрыгнуть, достать до нижнего края рамы и удержаться так пока не высунется рука какого-нибудь мальчишки. Он начинает тащить меня, но оказывается, что это не просто. Подает другую руку, но сапожища не позволяют согнуть ноги в коленях, чтобы опереться ими о подоконник. Тогда кто-то приходит на помощь моему спасителю и тянет меня за воротник пальтишки. Волоком втягивают меня на плечи пацанов, а я уже очутившись на полу клуба, успеваю оглянуться на преодоленный нами подоконник и порадоваться – мои сапоги его не измазали. Пока меня втягивали в клуб ледяной ветер охлаждал уши близко сидящих

пацанов, но они, выяснив в чем дело, не ворчат. Отмалчиваются и воспитатели, краем глаза наблюдающие за проявлением солидарности своих воспитанников с отверженной от искусства девчонкой.

По субботам начали устраивать в колонии танцы, нас пригласили в мальчишеский хор и, конечно, стали пускать в кино. Уже появилось два киноаппарата и кино шло без перерыва. Поле стадиона украсилось скамейками для зрителей, построили два пруда – один с вышкой для прыжков в воду, другой для рыбалки. Сельские девчонки помогали сажать кусты вдоль дорожек, в одном из уголков колонии сажали деревца. Наша колония на глазах преобразовывалась в парк. Рассказ ушел в сторону...

... Говорят: многое может молитва матери. Этот так. Но она спасала и в таких случаях, когда вроде бы и не нужна помощь. Здоровый ребенок лет пяти, еще не замучил меня вечный голод и холод, зачем мне помогать...

В Ачикулаке возле некоторых мазанок стояли крошечные сараюшки-будочки. Можно было складывать туда какой-то хлам. Один чистенький и пустой мы облюбовали для игры в Дом. Прибежали один раз стайкой и уселись кто куда. Я сижу одна у стены на какой-то дырявой перевернутой кастрюле. Напротив меня сидят дети на земляном полу. Весело и спокойно. И вот я ни с того, ни с сего встала со своего места и отошла к узкому дверному проему. В эту же секунду детей оглушил страшный грохот: на то самое мое место, на ржавую

кастрюлю, бухнулась огромная гиря. Она стояла там всегда, закрывая собой небольшое оконце, без рамы и без стекол, а просто обмазанное по краям глиной. Оказывается, ее толкнул от нечего делать любопытный теленок.

Я весело рассказывала об этом смешном случае дома.

– Ах ты ж, Божечко Мой! – воскликнула мама. – Слава тебе, Господи! – все повторяла и повторяла она, качая головой.

Все мы под Богом ходим.

... А вот свободный день от школы в Тазбичи и я тороплюсь с верхотуры вниз к Зине Карчаковой в Итум-Кале. Переговорили все новости за неделю. Хорошо здесь на просторной высокой веранде. Хозяйка вышла и что-то негромко сказала Зине, я не поняла, по-русски или по-ингушки, меня же это не касалось. А женщина мотнула головой в сторону большого красного круга солнца над горой.

– Сейчас стемнеет, – сказала она озабоченно.

Зинка нерешительно пожала плечами:

– Что ж, пожалуй, тебе пора добираться до дома.

А расставаться на целую неделю нам не хотелось... После длительного прощания мы заметили, что круг солнца уже сидит на горе.

Как ни быстро я хожу, но только успела выйти из села, как стало почти темно. Я побежала, но через несколько секунд оказалась в такой тьме, что пришлось остановиться. Вот почему беспокоилась местная женщина! Вот он, каков закат солнца высоко в горах... Солнце не садилось, а как буд-

то падало за гору. Еще оставалось небольшое свечение над острой вершиной. Я успела сделать еще несколько неуверенных шажков при этом свечении и опять остановилась. Вернуться на редкие огоньки села и переночевать у Зинки? Нет, вставать рано и бежать к первому уроку... Хочу домой! Но как? Я в центре сплошной темноты. Небо совершенно черное. Вот тогда я узнала, что луна и звезды необходимые светила, особенно в горах. Но не было в тот вечер ни одной мильонной звездочки, ни луны, ни месяца... Была такая темень, как будто находишься в темной комнате с черной повязкой на глазах.

Что делать?! Стояла и думала... Боже мой, что же делать? Ага... первое спасение – это асфальт. Ну, да, подо мной твердый асфальт. Слава Богу, что внизу, под Тазбичами успели построить дорогу на альпийские луга! Значит, первое: мне нельзя сойти с твердой дороги. Я начала двигаться вперед, не отрывая подошв от спасительной тверди. Разулась. Вот молодец... Медленно, медленно продвигалась придуманными мною лыжными шагами. Ох, бухнуло сердце, что там за огонек впереди... Светятся глаза дикого кабана или волка... Но заставляю себя двигаться, а куда деваться?! Огоньки растут, растут...

О-о, какое счастье! Я и забыла, что у дороги живут люди в одиноком доме. Из окна свет от керосиновой лампы и он так вовремя помогает мне: при его слабом отсвете на дорогу я смогла сделать несколько широких шагов. Пока трепе-

тал этот ласковый свет, я почти прыжками продвинулась на приличное расстояние.

Мелькнула и пропала мысль: попросить бы людей проводить меня. Но жалко было попусту отрывать их от дела или от отдыха. Да и керосин в фонаре потратят на меня. А я знала, как трудно здесь достается все. Опять темень... Не отпрыгнула ли я от дороги? С опаской, уже не доверяя голым ступням, я наклонилась и ладошками похлопала вокруг себя. Нормально. Господи, а как же мне справиться еще с одной трудностью, не пройти бы мимо домика – магазинчика на повороте. Невольно усмехнулась: а то уйду в альпийские луга, а там и Грузия – рукой подать.

Ничего, там уже подъем на нашу тропинку, буду руками трогать левую сторону горы и нащупаю дом.

Скорее, тороплю я свое лыжное скольжение. Ха! По снегу не умею, зато таким же манером двигаюсь по асфальту. Шла я так, шла и вдруг успокоилась – опять свет. А как же иначе, ведь еще рано, никто не спит. Слабый свет из окошка домика на повороте освещает дворик и негромкий слышен разговор.

– Слава тебе, Господи, я почти дома!

Третьего этапа пути бояться нечего: скальная тропинка наверх узкая, я могу на четвереньках карабкаться и не собоюсь с пути.

Еще одна неожиданна подсказка в пути: как я могла забыть об этой одинокой сакле! Она прислонилась к горе, а ее плоская крыша справа почти у моей тропки. Еще меньше

света, наверное, тут горит свечка, но она и тихий говор внизу приободрили меня. Хватаюсь за сухую траву, за выступы камней и быстро лезу наверх к обжитой площадке на горе, где стоит наша школка и наше крошечное жилище с бабкой и ее дочкой.

Молодая хозяйка была тут перед мазанкой у окошка. Оглянулась на шорох камешков, которые сыпались вниз из под моих торопливых ног и рук. Увидела сначала мою голову, потом и вся я, красавица, предстала перед нею.

Ноги дрожат, запыхалась, а улыбаюсь во весь рот:

– Как вы поживали тут без меня?

– Как... Как ты дошла?! Мы думали – ты осталась опять у подруги... Мы никогда не ходим в такой темноте! Нет, нет, нет, больше так не делай!

И она глянула на небо, где по-прежнему не было ни луны, ни месяца и ни одной звездочки.

– Слава аллаху, – сказала молодая женщина.

– Слава Богу, – подумала я. – Как Ты меня спас!

Тут же в Тазбичах случилось со мной еще более страшное, потому что не одна я могла пропасть.

Заскочили в наш домик четверо моих мальчишек и, запыхавшись, стали отпрашиваться у меня сходить за елкой. Они знают, где она растет, тут не очень далеко и их отпустила учительница географии со своего урока. Надо успеть! Моя старая хозяйка что-то, видимо, уточняла по-чеченски, мальчишки ее успокоили.

– Нет, ребята, я не знаю, можно ли вам идти!

Они загалдели: – Да мы скоро и т. п.

– Хорошо, пойдемте к Али Мамедовичу, я спрошу у него, где эта елка, успеете ли вы до вечера и вообще...

Старого учителя вызвали с урока, объяснили в чем дело.

– Вы знаете то место, которое называют ребята? Как вы думаете, не опасно ли?

– Да ничего страшного... – пожал он плечами.

– Осторожно там, – кричала я вслед ускокавшим мальчишкам.

Неуверенно потопталась около школы. Я сразу чувствовала, что не надо было отпускать детей, а теперь ясно поняла, что сделала страшную ошибку. Зоя отпустила ребят с радостью, лишь бы не вести урок! А направила ко мне, как же, я классный руководитель, начальник... Ужинает себе уже дома и в ус не дует!

Вернулась в нашу хибару. Пожевала лепешку – не хочется. Открыла учебники – не думается... Какая я была, оказывается, счастливая еще час назад! Правда, что счастье – это отсутствие несчастья.

Вышла хозяйка и сразу же вернулась, ворча что-то тревожное по-чеченски. Я выскочила тоже. Откуда так сразу наплыли тяжелые мутные тучи... Бродят прямо по каменистой земле... И сразу же начался ветерок, и в те же секунды он превращается в зло гудящий ветер, а он уже выбивает снежинки из туч, окружающих меня. Паника!

Все, мальчишки погибли и меня убить мало! Заслужила, негодница... Не смогла благополучно доработать несколько дней до конца полугодия и до окончания практики. Пробежал мимо человек, что-то покричал. Я вошла в дом. Оделась. Сняла пальто. Села, потому что ноги не держали. Еще один мужчина вскочил в сени, коротко переговорил с бабкой и спешно вышел. Я дернула подбородком вверх, округлившиеся глазами спросила хозяйку:

– Что?

Она отрицательно покачала головой.

– Боже мой, Боже мой, что же делать?!

И вот открывается дверь и входит человек в пальто, моложавый, симпатичный, в красивой меховой шапке. Стал у двери. Ответил сдержанно на вопрос бабки.

Он пришел за мной! Как только он вошел, я поняла, что это отец одного из моих мальчишек. Он не сказал ни слова. Но я уже затягивала потуже платок и надевала пальто сразу же, как только он появился на пороге. Вышла в коридорчик. Он уже взялся за ручку двери, как хозяйка потянула меня за рукав. Протягивала мне веревку.

Я поняла два ее чеченских слова так:

– Надо подпоясаться этой веревкой, иначе буря расстегнет пуговицы на пальто да и его сорвет с тебя...

Я затянула и завязала веревку на поясе. Мы пошли в неизвестность. Молчали. Куда? Если бы знать... То минутное замешательство на пороге дома не позволило нам разминуться

с человеком, пробежавшим мимо школы. Он прокричал что-то по-чеченски, но я уловила успокоенность в его голосе. Заглянула в лицо отца моего ученика и уточнила:

– Да?

И он подтвердил по-русски:

– Да, нашлись.

И мы разошлись, он сквозь угрожающие тучи в свой новый дом наверх, а я в свою милую хижину. Слава Богу! И отошли-то мы недалеко от нее.

Директора ни в этот день, ни на следующее утро не было. А завуч ходил по учительской и повторял одно и то же:

– Да-а, уже сейчас тут сидел бы следователь. Додуматься надо было отпустить детей! А ты, старый, ты же знаешь... А согласился – идите, идите за елочкой...

Никто меня ни о чем не спрашивал, но все события прошлого вечера были восстановлены общественным мнением по минутам.

А я думала, как бы не натворить в оставшиеся 2 дня ничего опасного... Сколько можно Богу спасать меня раззяву! Буду стараться!

И постаралась... Такая прилежная училка, лучше не назовешь, я решила провести в навязанном мне втором классе урок физкультуры по всем правилам. В конце занятия предложила поиграть, вернее, уступила просьбам детей:

– А скоро начнем играть?

Девчонки прыгали от предстоящего удовольствия, а паца-

ны тянули руки:

– Я медведь! Нет, я!

Так хотелось доставить детям удовольствие! Про все опасности забыла... Пригождались все мои детсадовские игры.

Мы вышагивали по «лесу» и орали:

– *У медведя во бору*

Грибы, ягоды беру,

А медведь

И на нас рычит!

«Медведь» рычал, как ему полагается и тянул хищные лапы к нам. Надо уже остановить бы игру! Но детям так весело! А за минуты две до конца урока я попалась... Самая быстрая девчоночка ловко увернулась от медведя, споткнулась на каменистой площадке и... кровь потекла из ее лба.

– Быстро за мамой Сациты! Спокойно, я сейчас:

– прокричала я детям и метнулась к своему жилищу, благо оно рядом. Стучащее в горле сердце и похолодевшие руки не помешали мне схватить нужный пакет с лекарствами.

– Господи, Боже мой, помоги!

Это кровь или мозг вытекает из головы?! Я паниковала, промывая ранку перекисью водорода. Помазала вокруг иодом, забинтовала лоб стерильным бинтиком.

Показалась встревоженная молодая женщина.

– Сациту нужно в медпункт, – потерянно повинилась я.

Тупо сидела в учительской, мысленно проходила путь до Итум-Кале, который я осенью проползла в темноте. А теперь

гораздо страшнее... Идет ли девочка сама, несет ли ее мама... Боже мой, до чего же я грешная, что сама не могу увернуться от беды!

Мне показалось, очень быстро появилась спокойная женщина. Подвез ли их кто-то до медпункта?

– Спасибо вам, – ласково сказала она мне, ошарашенной неожиданным помилованием. Медсестра так хвалила вас: после вашей перевязки ей и делать нечего.

– Слава тебе, Господи! Бедная женщина, она меня благодарит.

– Слава Богу, что все нормально, пусть Сацита скорее выздоравливает!

Хотя все мои «заходы» закончились с Божьей помощью благополучно, я еще долго, радуясь, обещала Ангелу – хранителю быть теперь очень осторожной. Получится ли это у меня?

* * *

Мангышлак. Мы возвращаемся из летнего кинотеатра, дошли уже до клуба «Толкын». На нашем пути появился молодой парень, тяжелый взгляд, на ногах едва стоит. Наклонился, покачиваясь, и поднял огромный булыжник. Парень сделал шаг вперед.

В кого из нас попадет камень, если пьяный не промахнется? Сашка невозмутим. Про него я и забыла. Думаю, что бы мне предпринять, чтобы, главное, не пострадали деточки. Мы не останавливаемся, будто не видим зловещей ухмылки

добра молодца.

Бог послал помощь: справа – фары от машины. Мой Ангел Хранитель подсказал мне: делаю пару шажков вправо и поднимаю руку. Грузовичок останавливается. Пьяный парень роняет себе под ноги камень, и он гулко приземляется на асфальт.

Из кабины высовывается приветливая физиономия.

– Молодой человек, – громко обращаюсь я к нему, – подвезите товарища! Он хочет куда-то уехать...

– Куда же мне его везти? – не сразу врубился, как говорит Володя, шофер. Улыбается смущенно.

– Он вам скажет!

И пока они перебрасывались несколькими фразами, мы уже зашли за угол нашего 36 дома.

– Сашка, – хвасталась я позже, – какая я в тот вечер оказалась находчивой!

Но это была не моя заслуга... Как и в другом случае.

* * *

Сидим мы с Наташей, уже студенткой, на морской косе. Поодаль плещется на мелководье малышня. И больше никого.

А слева от поселка надвигается группа парней. Шумят, хохочут, уже, видно «приняли на грудь» Меня всегда веселит это выражение.

Никакой связи, но оно напоминает давнее, колонское, шутовское «на моряков (именно так, а не на моряхах) тель-

няшки рвать, пупки корябать!»

Шумная ватага приближается. Спешно натягивать платья на мокрые купальники и идти к поселку этим парням навстречу?

Нет смысла... Вообще-то в Ералиево всегда спокойно, но все же...

Наталечка вопросительно мотнула головой в их сторону.

– Ничего, – уверенно говорю я, еще не придумав способа быстрой защиты от любезностей слишком веселой оравы парней. Они, видно, из Казах-аула. Они меня не знают...

Надвинулись вплотную и самый активный, мельком взглянув на Наташку, низко наклонился надо мной, дохнув зловещим перегаром:

– Скучаете тут без нас?

«Вежливый». Договариваться надо со старшей...

Ну, что, я это придумала, что ли? Невидимая защита подсказывает и нужный тон, наступательный и в меру возмущенный, и слова говорю, как по писаному:

– Ты что, так бы вольно обращался с Дюсеновой-апой, с Нургалиевой-апой и... сыпала я фамилии матерей наших учеников из Приморского.

Предводитель отшатнулся, извиняющее поднял руку – дал знак остальным – убираемся подальше.

– Слава тебе, Господи, сколько раз ты помогал нам и опять помог.

* * *

... Оглянулась Наталечка с трапа самолета... И все. Полетела в свой Ленинград, который облюбовала для учебы еще со времен экскурсии туда со своим классом.

А я, оставшись дома одна, кричала, вопила, так, что слышали меня, наверное, и в соседних домах.

А отчего я так разошлась, спросить бы себя?

Школа, школа – на первом плане... А деточки под боком и уже жизнь благополучная. И хоть росли дети подростками, как трава в степи, а у нас в пустыне, как верблюжья колючка в песках – нет времени уже на общение ни у них, ни у нас. Не то, что в детстве...

Слишком резкое отсечение Наталечки от дома. Переход от и до. Очень выявилась быстротекучесть нашей жизни. Потому и случился со мной такой взрыв эмоций.

– Кто дома? – звучал от порога каждодневный вопрос, прибежавшей из школы дочечки.

Каждое утро я иду к Каспию. Сейчас от него слабый ветерок доносит даже до наших двухэтажек запах морюшка. Запахи соленых морских брызг, мокрых мшистых плит на побережье, редкой просоленной полыни – это мы называем запахом моря. Идти к «ближайке» – берег недалеко от поселка всего 10–15 минут, можно босиком по тропинке шероховатой от соли, идти и радоваться жизни. Если бы не частый холодок в груди от мысли, что я должна добиться – суметь упросить Бога, Единственного в таком большом деле Заступника. Тогда я еще не знала, до какой степени грешна: сама

не крещеная, детей не покрестила, молитвам их не научила, всего не перечислить.

Знаю всего две молитвы от мамы, а иду и простодушно буду умолять Господа помочь. Больше некого просить.

Все Наташины экзаменационные сессии проходили с моими молитвами. Володины – тоже... Всегда дети получали стипендии, значит, не было переэкзаменовок.

Вовка поступил в институт, ясно, что только с Божье помощью, потому что в нефтяном – сплошная математика, а к ней отношу и физики, и химии, и сопроматы и им подобное, что мне недоступно в жизни. Сочинение Володя только умел писать, как и все в нашей семье. Но 4 по математике в школе – это выучка Розы Булатовны. Ему и помогла на вступительных экзаменах эта четверочка.

Нет, всего не перечислить...

А личную жизнь детей я, грешная, оставила без внимания. И их молитвам не научила. Вот так...

Только о здоровье, об учебе, о работе просила помощи. Пример удивительный: в начале 90-х в Мурманске увольняли с работы тысячами, а Володя остался и работает до сих пор. Слава тебе, Господи!

Не могу до сих пор вспоминать, как я вымолила некрещеного сыночка любимого из Афгана. Это было так долго и трудно, и ночью и днем, и в пути, и на школьной перемене, и...

Я знаю, что никогда у меня не хватит сил рассказать об

этом.

И не буду начинать. Зато, Слава тебе, Господи, великая,
вернул нам сына с войны!

Встречи

Почему-то мне часто вспоминается маленькая улыбчивая женщина из одинокой землянки на окраине Ачикулака. Соседские дети позвали меня с собой, куда и зачем, я так и не узнала. Незнакомый мальчик, нерешительно улыбаясь, шел впереди нас. Почему он не загорел, как все мы?

Пришли к землянке. Кругом степь. Это была настоящая землянка, крыша поднималась невысоко над землей. Война догнала эту женщину в Ачикулаке. Она, наверное, как все мы, пожила какое-то время у местных жителей, а когда война откатилась от этого степного края, то пора устраиваться самой. Может быть, женщина обжила бывший окоп и сумела соорудить крышу – это мои позднейшие размышления.

– Мама, мы пришли, все пришли! – радостно закричал светловолосый мальчик.

Смеющаяся, сияющая радостью красивая женщина, почти девочка, взбежала по земляным ступенькам, раскинула руки, чтобы обнять и сына, всех детей и повела за собой вниз. А я осталась... Почему? Не знаю до сих пор. Неизвестное всегда пугает? И я еще тогда не знала про дни рождения. Вскоре мама мальчика выскочила наверх ко мне, наверное, дети сказали обо мне, ласково взяла меня за руку, но я покачала головой. Тогда она еще раз вернулась и протянула какое-то угощение, а я спрятала руки за спиной.

Если взрослые делают большие глупости, то что говорить о детях! Сидела я в мягкой шелковистой ковylie и ждала детей, чтобы вернуться с ними домой. Этот случай так задел меня, что даже через несколько лет я думала об этой женщине с мальчиком. Где она взяла угощение для детей? Откладывала по сухарику? Какая же прекрасная и добрая эта мама! Ее сыночек не знает, что такое праздники, он рос в войну, а она показала ему, что так бывает. И так всегда будет!

А позже я устроила жизнь этой маленькой семье очень даже хорошую. Как мысленно устраивала жизнь Жабиных, которые натыкались на меня в маленькой комнатке, но не прогоняли меня от яркой книжки на стене. А папа этого светлого мальчика живой и уже едет к ним! Мама получила от него письмо и деньги, она от радости устроила праздник. А отец – герой, орденов много-много и прилетит он на этом самолете, который привозит почту в Ачикулак! Они будут радоваться вместе и жить долго, «добра наживать». Как заканчиваются все хорошие сказки!

А почему я «не устроила жизнь» той маме с мальчиком, которые ели у нас суп? Болела что ли тогда? А где они нашли себе жилье без моей помощи, думала я позднее? Почему же я не стала им помогать сразу же, когда они поклонились и ушли? Такая я плохая, ругала я себя.

Иногда подходили к нашему окошку люди с тощими мешочками за спиной и протягивали руку. Мама выносила им хлеба кусочек, если он у нас был. А если ничего не было, то

мама отворачивалась от окна и от меня, и я боялась в это время на нее посмотреть. Мама не разрешала никому плакать, и я никому не выдавала ее тайну...

А эту маму с мальчиком такого же роста, как я, она позвала в дом и налила каждому по тарелке супа. И дала им в дорогу по сухарику. Когда наши гости ушли, я спросила:

– Почему так булькало, когда они ели?

– В пустой живот так суп глотается...

И опять отвернулась от меня надолго.

... Лето. Каждое утро – радость: опять, как и вчера, и как позавчера, и как неделю назад пойду на целый день к Аркадию Яковлевичу. Ура! А... А Сеницына? Снова будет стоять на дороге? Да не просто стоять, пусть бы стояла, жалко, что ли. Так она же будет допрашивать меня! Я уже думала, как ее обойти, но ее дом стоит как раз на моем пути.

Стоит! Неужели ей больше делать нечего? Грядки бы поливала, вон какая жарница с утра... Но надо идти, отвечать на ее вопросы, одни и те же вопросы, потому что моим ответам Любкина мама не верит... Прямо таки ноги заплетаются... Иду нарочно медленно, надеюсь, что ей надоест ждать и пойдет, например, суп варить. Нет, для Сеницыной важнее всего какая-то правда.

– Где идешь?

– К Арк... К Клавдии Ивановне.

– А шо ты там делаешь каждый день?

– Работаю... Помогаю...

– Перестань сказать! Такое... и то оно работает?

Вопросы и ответы всегда одни и те же. Наконец, в один счастливый день, даже без этих вступительных вопросов, тетка сама подсказала:

– А може вы земляки?

И в голосе не насмешка – «и то оно работает» – и смотрит тихо-мирно.

– Да, – обрадовано подтвердила я, – земляки!

С этого дня дорога свободна. Ура!

Куда бы бабушка Анна ни шла, наклонялась и подбирала с земли перья, потерянные чьими-то беспечными курами, утками и гусями. Постепенно ее семья обростала подушечками, не какими-то набитыми соломой, а настоящими перовыми.

А осенью бабушка приносила из леса своим внукам боярышник, лесные маленькие груши, кизил, калину, а то и шишки да еще лесные орешки. Знала она все места, где вдоволь такого добра.

Мы с Галькой тоже носили из леса то, что росло близко. Орешки и шишки попадались нам редко, кизил чаще. Но прослышала я, что соседка знает кизилловые места, где его хоть завались. Варенье из него варили вкусное.

– Бабушка, а не возьмете нас с Галькой в лес за кизилом? Хоть один разок. Мы бы вам ветки наклоняли...

Она легко согласилась. А то все одна да одна.

Мы шли в лес и разговаривали – быстро дошли. Мы с Галькой старательно наклоняли гибкие тонкие ветки деревца. Одна из нас висела на нем, чтобы другие обрывали темно-бордовые ягоды. Бабушка соскучилась по общению и все рассказывала о довоенной жизни, о войне.

Один из ее многочисленных рассказов поразил меня, вспоминала его часто.

Несколько лет Анна служила домработницей у большого начальника. Начальник-то он важный, а человек простой, никого не обидит. Редко дома бывал, все машины строили его рабочие для новых колхозов. А как придет домой пока дети не спят, да как начнет с ними скакать, бороться да смеяться, а то тихо на софе книжки им читать. Радостно становится в доме!

– Я в детстве окончила 4 класса. А у них стала часто читать... Старалась сделать в квартире больше, чем требовали, так он меня пожалеет и похвалит.

Я взглянула сквозь листву на бабушку Анну, когда услышала ее изменившийся голос. Говоря о том человеке, она ласково улыбалась, морщинки разгладились. Подумалось: так ведь она совсем молодая!

– Надо тебя, Аннушка, на учебу отправить. Вот закончу большое дело, подготовимся, да прямо в техникум примут тебя!

Я верю, хоть он и смеется. Он веселый был... А мне-то

уже лет 35 было...

Держусь за ветку, ниже гну ее к земле. А почему же наступило молчание? За листьями и ягодами увидела совсем уже другое лицо. По щекам у Анны текут слезы одна за другой так обильно, что даже не задерживаются в морщинках, уже вся шея мокрая, а она быстро перебирает руками, отделяя ягоды от листьев. Холодок заполз в грудь да так и застрял под горлом.

– Какой это год был, бабушка Анна? Ну, когда тот ваш человек хотел вас учить?

–33 год. Раньше, чем других его забрали! Его друзей – позже...

Справилась со слезами, вытерла о плечо глаза и заговорила уже громче, с горечью и обличающим недоумением. Как будто на суде выступала перед своим поколением, говорила то, что вроде бы и так все знали правду, а вот послушайте еще и ее!

–А за что же было его забирать? Такого человека! Да навсегда... А сколько их... На них Россия держалась! Кому же было воевать, когда немец напал на нас?

Сколько их таких рассказов слышано, читано... Это было уже начало 60-х годов. И увидела я лицо молодой женщины, конечно, не может быть, чтобы Аннушка не полюбила в то время незабываемого человека. Одного из тех, на чьих плечах «Россия держалась». Отблеск той любви так омолодил ее лицо! А потом горестное лицо, постаревшее, оплаки-

вающее не один год прекрасного человека. И свою судьбу тоже.

Через историю одной семьи – вся история наша.

...Мы не сумели увернуться от глубокой колеи на узкой лесной дороге. Застряли в липкой грязи довольно крепко. Пока наш заслуженный «Москвич» бесполезно фыркал, нас догнал всадник. Хоть и медленно он ехал, поравнялся с нами. Немолодой чеченец, плотный, невысокий и лошадка под стать ему, низкорослая, широкая. Они как будто слились друг с другом, оба неспешные, спокойные.

Не успел Саша выйти из машины, чтобы наломать веток под колеса, старик дал знак ему: сиди, мол, нечего рыпаться. И сразу же даже не поднял руку, а неуловимым движением указал на нас кому-то сзади: вытаскивай этих бедолаг. За какие-то три-четыре минуты мы оказались на твердой дороге: выскочил из машины молодой чеченец, который ехал за нами, привязал трос, вытащил нас на ровное место и тут же умчался. Старик наблюдал, сидя на своей послушной лошадке, а выполнив доброе дело, тут же опять двинулся дальше так же медленно, как и раньше. Я махнула ему рукой, улыбнулась, Сашка посигналил, и он в ответ чуть наклонил голову.

– Меня заинтересовало, знаешь что: не то, что нас вытащили быстро очень и даже не то, что тащили нас двое, всадник как будто тоже. А я думаю, знаешь о чем? Ясно, что дед

на лошадке чеченец. Но... Так и представляется, что он едет не по лесной дорожке, а тихонько, размеренно по бесконечной казахской степи. Наверное, он дольше других жил в Казахстане.

Только не хватало пения о том, что он видит по дороге. А может быть, мы не слышали?

Закончилась моя смена в детском саду и надо было, как всегда торопиться, чтобы успеть пораньше домой в Старую Сунжу, ведь ехать-то с тремя пересадками. Дорога не очень тяготила меня, потому что в сумке всегда была книга. Пришла уже к остановке трамвая и только хотела почитать, но не успела, так как все мое внимание привлек человек на остановке. Он смотрел на цветущие вишни. Растут себе группками небольшие деревца и ослепляют белизной все вокруг.

А старый человек не отрывал от них глаз. Такое лицо было у него! Оно светилось таким тихим восторгом, что я постеснялась доставать из сумки книгу и заняться привычным делом. Тоже стала любоваться пушистыми кронами этих храбрецов, не боящихся ни близких химических заводов, ни тряски земли от грохочущих трамваев.

Тайком любовалась и лицом моего попутчика. Такие лица были у интеллигентов еще до революции или ... в прошлом веке. Худой, очень прямая спина. С затаенной лаской он смотрел на белое вишневое кружево. Перевел взгляд на меня и вдруг заговорил:

– Простите, девушка, а вы не замечали, как долго цветут вишневые деревья?

– Наверное, 5 – 6 дней, – подумала я вслух.

Он чуть заметно улыбнулся, задумчиво покивал головой.

Цени всю красоту вокруг себя, главное, умей находить ее везде, радуйся ей! Пока живешь. Так я поняла этого необычного удивительного старика. Не решилась, не посмела я поговорить с ним. К сожалению, не решилась. А расспросить бы о его жизни, все равно, что книгу прочитать. Это была бы захватывающая история. И, кажется, печальная... *****

Я упустила случай написать рассказ о пожилой женщине, с которой мы подружились в санатории. «Написать рассказ», образно говоря, это выражение витало в мыслях или воздухе у всех нас кроме Саши. Все писали «Книгу». Какую-то Книгу... Так она и повисла в воздухе...

Когда я на старости лет придумала: не писать же автобиографию, а по заголовкам в одно слово пройтись по всей моей беспокойной и вольной жизни, бесценными были бы воспоминания пожилой, одинокой женщины об ее судьбе.

Она рассказывала, а я слушала. Но не записала даже ее единственное письмо от молодого мужа с фронта. Только отгуляли свадьбу, и ее любимый ушел на войну. Успел до гибели прислать одно письмо. Она жила и старилась одиноко наедине с этим дорогим письмом. Мы сидим в ее комнате, и она бесстрастно читает наизусть это ласковое послание ее мужа, этот единственный подарок, который успел сделать

молодой муж своей любимой жене, совсем в недавнем прошлом его девчонке-невесте.

Мне шептала на ухо вездесущая Машка.

– Заметила девчонку, которая кормила нас ужином?

– Еще бы ее не заметить! Стройенькая, белокурая с огромными темно-синими глазищами. А кожа на лице прямо прозрачная, как у принцессы! А миски наполняла – в руках не удержишь! Быстро-быстро управлялась.

– Так вот, слушай: историки говорили о ней, не поверишь, отец у нее очень большой начальник в городе, а она не просто на целину поехала, а испытать себя – выдержит ли самую трудную работу. Взясась кашеварить, потому что все отказались от этой работенки. Мы вчера матрацы и

подушки набили да и завалились спать после ужина. А она только за полночь улеглась прямо на соломе. А утром ее и след простыл... Тогда кто-то помог ей устроить постель.

– Тут главный над сараем-бараком бегаёт, что, он не дал ей помощников?

– Почему? Дрова ей рубят, дежурные есть, картошку чистят... Но все равно, я бы так не смогла: раньше всех вставать, а ложиться... Да еще, говорят, если ночью с поля придут, ее будят, чтоб покормила.

Два дня мы любовались этой чудесной девочкой, а потом нас семерых, девчонок из группы «А» да наших мальчишек со школьного чеченского отделения посадили в прицеп трак-

тора и увезли в чисто поле.

Вокруг совхоза – отделения, бригады. Наша бригада – это два вагончика, скелет из веток будущего жилья нам, новоселам, за ним туалет из новых досок, поодаль кухня в землянке да притулившаяся к ней мазанка из дерна. Там жила одинокая казашка, это в угол ее домика въехал позже ночной путешественник Иванушка- Саня.

Вольные шестидесятые годы, что еще скажешь. Каждый хотел оставить свой след на земле. Захлебывались стихами Евтушенко, Рождественского, Ахмадулиной, упивались песнями на стихи Есенина, песнями Окуджавы. Влюблялись в Гагарина, Титова, Олжаса Сулейменова, Вана Клиберна.

Стройотряды, целина – мечта. Но из азартных странников по стране выделялись такие сумасшедшие, как девчушка базового совхоза. Да хотя бы и Санька с талантом в душе артиста и художника.

Наверное, Абу это краткое произнесение его полного имени. Этот длинный и худой – как только не переломится – мальчишка из педучилищного чеченского отделения не мог сидеть без дела. Взял широкую лопату и начал ею чистить огромное поле под будущую пшеницу.

– Будет бульдозер (или грейдер, забыла название), – на ходу пообещал ему бригадир Иван. А тот и в ус не дует – гребет, скребет, уносит мусор. Бригадир не выдержал и ускорил прибытие нужной машины. Упрямо вцепился в нее Абу, яс-

но, не оторвешь его от этой работы. И вот началось гудение, рычание, пыль столбом от места работы неутомимого Абу.

Бывало, повариха бьет, бьет железной палкой по листу железа, заругается и бросит. Тогда сам бригадир вытаскивал из кабины Абу. Он шел, пошатываясь, весь черный от пыли, только его длинный нос светлел на лице, Абу приходилось его вытирать время от времени, дышать-то надо. Иван вел его ужинать, полуобняв за пояс, а механизаторы весело скалили зубы, отдыхая у своих вагончиков. Им непривычен был вид ласкового бригадира.

А как прощались Иван и Абу – это надо было видеть! Бригадир бесконечно тряс обеими руками руку Абу, пытался дотянуться до уха парня, кричал ему самые добрые и неуклюже-ласковые слова, которые таил в себе долгие годы. Шофер посигналил в очередной раз.

– Как сына тебя буду помнить Абу! – отчаянно прокричал Иван.

... Виктор Бураков. Есть же такие люди, не разговорчивые, не заметные, не красавцы, а слово скажет – оказывается, он даже очень симпатичный. Правда! Почему-то они считают, что должны работать до седьмого пота, а может быть ничего такого и думать не думают, а все у них получается лучше всех. И копнильщиц не было еще у этого комбайнера, только верный его тракторист дядя Саша да наш Магомед как-то затесался к нему помощником. А на комбайн меня никто и не думал приглашать. Такая худющая, какой с нее

толк!

– Бог даст, так и в окно подаст, – говорила мама.

... Лида. Это добродушная спокойная девочка из группы «А», лихая танцорка. Ладненькая фигурка, но на глаза мужикам не лезла и тоже была еще без экипажа. Она училась где-то танцам и, бывало, Машка разыгрывала ее в кухне.

– Лида, тебе письмо!

– Ой, Маша, спасибо, – и тянет руки.

– Ну, Лида, так не пойдет! А станцевать? Ты же мастерица на это дело!

Лида засмеется и спляшет на крохотном пространстве утопанного земляного пола около двери. Машка не отстает:

– А вот это коленце еще не выдала!

Лида отобьет еще чечетку. А Машка:

– Спасибо, Лидочка! В следующий раз письмо тебе будет...

Никогда Лида не обижалась. Махнет на Машку рукой, посмеется и, запыхавшись, берется за ложку.

– Лида, тут у одного комбайнера, Буракова, нет копнильщиц, пойдем, попросимся, – подошла ко мне Лида.

– Неужели нет? Что-то я слышала о нем... Передовик? И с неполным экипажем?

– Ему некогда выбирать, он, говорят, до ночи не отходит от своей машины.

– Где комбайн Буракова? – спрашивали мы, бродя между гудящими и рычащими машинами

– Пожалуйста, давайте работать вместе,– прервал наши просящие голоса Бураков. И он улыбнулся. И сразу преобразился. Стало очевидным, что это красивый молодой мужчина – глаза добрые, худощавые скулы гладко выбриты, ровные белые зубы.

– Через день валки совсем подсохнут и будем спешить пока с неба ничего не закапает.

И мы с Лидой сразу же решили получать копны ровные, как сбитый куб. Это Бураков назвал их так в инструктаже:

– Вот ваши вилы, выбирайте мостики, очки в тракторе, брезентовые рукавицы обещали. Когда копнитель наполнится соломой до половины – вы ее уже достанете вилами – утрамбовывайте во все углы, а не только в середине, а когда до самого верха натопчете, то вот она педаль – нажимает кто-то из вас плавненько и копна станет, как вкопанная, ровная, как куб.

Мы с Лидой называли наших красавиц не кубами, а «домиками». Мы так старались с первой копны и до отъезда! Наши копны на удивление всем даже от сильного ветра не растрепывались.

Бригадир уже давно выдал всем хлопчатобумажные, но очень плотные комбинезоны. Они завязывались на животе, чтобы прижать заднее полотнище, на случай, если надо развязаться и опустить его в туалете. Так как уже прилично похолодало, то все девчонки надели на себя под комбинезоны все свои вещи, начиная от легкого платья, в котором уезжа-

ли, до свитеров, платков и прочего. Шарфы, косынки оставляли, чтобы труха и пыль не так сильно попадали в глаза и волосы. Когда стал порхать снежок, нам выдали фуфайки, эта одежда – благо на все времена и на все случаи жизни.

Увидел Иван наши копны, а Бураков сдавал больше всех зерна, и зачастили к нашему комбайну машины всякого начальства. Бураков недовольно останавливал на минуту работу, брал почетную грамоту или деньги-премии и двигал дальше, не дослушав похвалы.

У Буракова бункер набирался быстро, и Магомед становился на мостик и махал флагом – грузовик к нам! На ходу пересыпали зерно.

Обед привозили на середину поля, где близко работали друг к другу 2-3 комбайна, другие подплывали к ним. Саша отцеплял свой маленький трактор, Виктор садился сзади, Лида сидела наполовину у него на коленях, я на корточках внизу справа от тракториста, скорчившись в три погибели, чтобы не задеть рычаги, а Магомеду места вообще внутри не было, он взбирался на кабину и так мы тряслись до прицепа с обеденными котлами.

Меня дразнили «Куц». Кто-то из мальчишек, любителей спорта, назвал меня так за быструю ходьбу. В те годы жил да был Владимир Куц, мастер бега на длинные дистанции. Про меня ходила легенда: когда на ходу из бункера нечаянно высыпалось горкой зерно, то я соскочу с копнителя и пока соберу пригоршнями пшеницу в платок, то комбайн успевает

сделать еще одну загонку, я же не могу догнать его в своих 42 размера ботинках. Я была всегда в последних рядах за какими-то благами и достались такие огромные. Повидаться, поговорить, посмеяться, можно было только за эти 20 минут обеда. Лида хохотала:

– Если бы Лина не догоняла комбайн, то мы не были бы первыми по уборке зерна!

И кто-нибудь из мальчишек серьезно заключал:

– Правду Лида говорит – Куц да не догонит!

Бураков не приказывал, а просто спрашивал:

– Может, сегодня переночуем в поле, чтобы не тратить время на поездку в бригаду?

Мы с Лидой легко соглашались. Сами боялись простоев, когда сорвется редкий дождик или ранний снежок. День-два приходилось ждать, пока поле подсохнет, и тогда мы отсыпались. Поковыляем с Лидой в столовку, с полузакрытыми глазами поедим, 2-3 куска хлеба в карманы комбинезона и опять спать. А если бы не было простоя, то работали бы, как миленькие. Нас подстегивал и держал азарт – хотелось продолжать игру, выстраивая ровные соломенные домики.

Еще несколько раз мы поспали, зарывшись «дневную», еще теплую солому в ночном поле. А звезды висели прямо над нами так низко и так ослепительно мигали, что и, закрыв уже глаза, казалось, видели, как они еще долго приближались к нам до самого глубокого сна.

А один раз пришлось работать все 24 часа. Завтра ожидал-

ся снежок и с нашего с Лидой согласия на рассвете мы уехали, когда все еще спали. И приехали, когда все наши только начали просыпаться. Ида подняла голову:

– Лина, Лида, разве так можно? Вы же серые... от усталости...

Серые, не серые, но мы на целине ни разу не заболели. Закалили свое здоровье.

Я не помню, наверное, нам давали какие-то одеяла, а в основном мы тесно спали на своих нарах и таким образом грелись. Когда не на шутку стал задуть снежок в нашу хибару без двери – ее не успели сделать до уборки – Иван нашел большой кусок брезента и повесил его в проеме двери. Сразу стало уютнее и теплее. А потом пришла команда из вагончика и быстро слепила нам печку прямо около двери, чуть ли не впритык к брезенту. Вот это событие! Затопили нашу неуклюжую красавицу каким-то мусором, вода в принесенной кастрюле нагрелась, и девочки по очереди вымыли головы.

А ветер раздувал брезент, а снежинки долетали прямо в наш таз... Но никто не простудился. Закон фронта – там получают раны, но не простые человеческие болезни. А нас называли «трудовым фронтом»...

...Небо ранней осенью тут совсем другое, чем на Северном Кавказе. Его видно здесь от горизонта до горизонта. Ясно, что земля круглая. Почти всегда плывут огромные разноцветные облака, чаще всего очень низко над землей. То-

ропятся, обгоняют друг друга, сбиваются в темную тучу, потом опять разрываются в клочья. В редкие минуты отдыха есть чем любоваться, особенно если их подкрашивает закатное солнце. Поле напоминает нам, что земля – нескончаемый глобус. Как океан безбрежный – вот точное для него определение, привычное в литературе, так и поле здесь – безбрежное. Точно. Бывало, что мы одни на этой ровной, без единого бугорка на земле без конца и края, до всех линий горизонта вокруг нас.

А когда появляется другой комбайн, то сначала он выплывает очень медленно по склону «глобуса», сначала видно только точка, потом пыль от сыплющейся порезанной соломы, потом мостик и это все еще очень далеко. И долго, долго выползает он из другой стороны круглой земли, пока не покажется весь комбайн.

Боже мой, сколько же земли распахали! И тем удивительнее было вспоминать, о том кусочке зеленого оазиса, об островке счастья, открытого Санькой.

... Этот Санька был сначала «Иванушкой». Моложе всех белорусских механизаторов, русский чуб, глаза ярко-голубые. Герой из русских сказок. И Иванушку, как и в сказках, никто до поры до времени не воспринимал всерьез. Еще бы! Бригадир Иван, односложно руководил всей бригадой, а на него тратил иногда несколько предложений. Однажды нас разбудил крик Ивана.

– Ты куда опять ездил ночью?! Горючее жечь! И въехал в

угол мазанки! Вот отберу у тебя трактор, будешь знать!

А когда мы мазали свою хату из плетня изнутри, то спали перед нею в ворохе соломы. Это было еще до работы в поле. Только зарылись в теплую солому, но какой-то трактор чуть не наехал на наши ноги, остановился и из него выпрыгнул наш Иванушка.

– Девчата, – впервые заговори он с нами, – поедem, я покажу такое место! Вам и не снилось такое! Вставайте! Не пожалеете!

Почему-то его послушались все. Наши мальчишки первыми вскочили, подавали нам руки и вот мы уже едем в прицепе.

– Тихо ты, – кричали девчонки, – сбросишь нас с прицепа и не заметишь!

Ида покрутила пальцем у виска:

– Все мы Иванушки! Зачем поехали, не зная куда!

Довольно скоро трактор резко остановился, все мы повалились друг на друга, заорали. Но выпрямились и замерли. Перед нами была стена леса. А наш провожатый уже стоял на земле, вытянул руку вперед и радостно кричал:

– Смотрите, любуйтесь! Вот он мой остров! Остров... счастья!

При свете фар мы двинулись за Иванушкой и не могли опомниться от изумления: узкая тропинка, видно, протоптанная парнем, а по ней тесно идти между высоких трав, неизвестных цветов, влажных, тяжелых от ночной росы, па-

хучих, ярких. А Иванушка вел нас, счастливый, оглядывался, улыбался, и вскоре мы оказались на поляне. Первое изумление прошло, и на всех нахлынула такая несказанная радость! Вспомнили настоящее имя этого удивительного парня:

– Санька, спасибо тебе! Ой, спасибо! Какая красота! А деревья до неба! А воздух – его не вдыхать надо, а пить, какой он густой и пахучий!– кричали наперебой все и прыгали от радости.

Девчонки обнимали Саньку, а мальчишки хлопали его по плечам. А он, тронутый таким непривычным вниманием к себе смеялся, и прятал чуть повлажнейшие глаза.

Разожгли костерок на этой пахучей поляне, спели много хороших песен. Все время удивлялись, как уцелел среди бескрайних полей этот уголок России! Верхушки березок терялись в темноте ночи... Наверное, такой же равнодушный человек, художник и поэт в душе, как наш Санька, не распахал когда-то небольшой кусочек зелени и он вырос в степи до рощицы. Спасибо доброму человеку!

...Сауле. У меня были друзья в Ералиево, но только о ней я говорю «моя Сауле». О ней можно писать долго, но обо всем не успеешь. Писать о каждом прожитом дне вместе со мной и с Наташей? Она стала другом нашей семьи так же, как и ее любимый муж Уали. Но он друг отдаленный, а Сауле всегда рядом. Я старше ее, а Наташа на столько же лет моложе Сауле. Они вели разговоры о литературе, а мы с Сауле о

литературе и о школе. Днем не до этого, а вечером мы ходили по шоссе и не могли наговориться обо всем на свете.

– Почему Вова на уроках смотрел на меня, мне казалось – осуждающе? А когда он, бывало, приносил от вас пирожки или олады, я думала, что он делает это с усилием, скорее бы дать их мне и убежать?

Это заявление стало для меня необъяснимым открытием! Сауле как бы пожаловалась мне? Не понимаю... Она сказала мне эти слова уже по скайпу из далекой Алма-Аты. Об очень печальном от нее известии даже писать не могу...

– Сауле, почему же ты ничего подобного не говорила мне раньше в Ералиевской жизни? И почему ты не подумала, что Вовка слушал тебя, боясь пропустить хоть одно слово! И любовался тобой, почему бы нет?

Я рассказала очень взрослому Володе о странном, как мне подумалось, заявлении Сауле.

– Сауле Сапашевна – лучший преподаватель литературы, есть ли еще такие! – коротко ответил мой сорокалетний сын-нок.

Во время страшного дефицита Сауле находила способ, чтобы купить моим детям какую-то одежду, Наташе отдавала свои платья... Некоторые курточки моих детей-старшеклассников хранятся до сих пор у нас, и никогда рука не поднимется выбросить их и даже отдать хорошим людям, потому что они напоминают нам ее.

Восхищаясь какой-то придумкой Сауле я говорила не раз:

– Молодец, Сауле, тебе бы сидеть в Верховном Совете!

В каждой шутке есть доля правды, это так и есть на самом деле.

Она пообещала и выполнила свое обещание: согласилась работать вместо меня организатором внеклассной работы. Да о чем еще можно говорить, помня ее дружбу, если она дважды с детьми прилетала ко мне в Грозный, когда Володя воевал в Афгане!

А когда я спорила с верной коммунисткой, то добивала ее решающим аргументом:

– Знаю я ваши райкомы партии! У нас он рядом со школой находился и работали в нем два человека, первый секретарь и инструктор Уали, муж моей Сауле, а остальные бумажки перебирали!

А за всю мою жизнь я больше не встретила ни одной семейной пары, чтобы так любили и понимали друг друга, как моя Сауле с Уали. И таких же, прекрасных детей воспитали. Это нескончаемая тема – моя Сауле.